

Сетон Эрнест Томпсон

**Нравы и психология диких
животных: Рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
381

Э81 **Эрнест Томпсон С.**
Нравы и психология диких животных: Рассказы / Сетон Эрнест Томпсон – М.: Книга по Требованию, 2024. – 136 с.

ISBN 978-5-519-73388-5

Содержание: Необузданный Колибей, Фоам, Уэй-Этша, енот с Кильдерской реки, Глупый Билли, Этелефа, крылатый эльф, Дикие гуси с Уайндайгоуля, Укрощение свирепого Джинни, Необузданный Колибей, Фоам, Уэй-Этша, енот с Кильдерской реки, Глупый Билли, Этелефа, крылатый эльф, Дикие гуси с Уайндайгоуля, Укрощение свирепого Джинни

ISBN 978-5-519-73388-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Да, я всегда чту память Колибея. Он был символом вечного духа возмущения против насилия и гнета. Я хочу быть верной тому же духу и скорее истечь кровью или умереть от голода, чем подчиниться".

Я с удовольствием привожу здесь это письмо, ибо оно служит в защиту не только Колибея, но и других моих друзей.

Э. Сетон Томпсон.

Нью-Йорк.
27 февраля 1916 г

НЕОБУЗДАНЫЙ КОЛИБЕЙ.

Лет пять тому назад в Битеррутских горах Айдахо жил красивый жеребенок. Шерсть у него была светло-гнедая; ноги, грива и хвост блестящего черного цвета—смесь угольно-черного с светло-гнедым, а потому все его звали „Cooly-Bay“ (Cool—уголь, bay—гнедой).

Слова „Cooly-Bay“ произносятся Колибей, что на арабском языке означает „титул“, „дворянство“. Все, в первый раз увидевшие красивого жеребенка и не знавшие, почему он получил такое название, думали, что в жилах его течет кровь арабского жеребца. Нет сомнения, что она и текла в жилах его предков, ибо все лучшие наши лошади—арабского происхождения; даже по истечении продолжительного времени называется это в каждой части тела животного, в его поступи, в необузданном, свободном духе и страсти к бродяжничеству.

Колибей носился, как ветер; он славился своей быстротой, своими неутомимыми ногами, а когда несся во весь карьер с табуном лошадей и встречал на своем пути высокую изгородь или глубокий ров, он перепрыгивал через них, не задумываясь там, где другие отступали назад.

Так рос он, крепкий телом, беспокойный духом и готовый к сопротивлению при одном намёке на насилие. Он не выносил вида огороженных мест для скота, не выносил конюшен и готов был провести бурную ночь скорее на открытом воздухе, чем в теплой, удобной конюшне, где он чувствовал себя лишенным свободы, которую так любил.

Он умел необыкновенно искусно увертываться от погонщика, загонявшего табун лошадей в корраль. Он несся во весь опор при одном виде этого человека и становился тем, что называется „Quit-the-bunch“, т.-е. лошадей, которая отличается независимым духом и бежит из табуна, когда последний сворачивает не на тот путь, какой ей нравится.

С каждым месяцем жеребенок выказывал все больше и больше стремления к свободе и становился все более изобретательным в проведении своей воли. В глубине его души таилась жестокость; он никому не выказывал ни малейшей привязанности и не щадил никого, кто пытался стать между ним и его желаниями.

Жизнь, полная треволнений, началась для него с того времени, когда ему исполнилось три года и он достиг полного расцвета сил и красоты, и когда хозяин решил выездить его для верховой езды. Колибей был в той же мере зол и лукав, как и красив, и первый день обучения был днем ужаснейшей борьбы между ним и наездником.

Но последний был знатоком своего дела, и необузданное брыканье, бешеные скачки, поднятие на дыбы, катанье по земле не принесли Колибею желательных результатов. Несмотря на всю свою силу он оказался безнадежно-беспомощным в руках искусного наездника и по прошествии некоторого времени он был настолько укрощен, что хороший наездник мог пользоваться им. Тем не менее всякий раз, когда его начинали седлать, он пытался снова оказать сопротивление. Прошло еще несколько времени, и Колибей понял, повидимому, что бесполезно сопротивляться, ибо получал удары хлыстом, и в бока ему вонзались шпоры, а потому он изменил тактику. Целую неделю ходил он безупречно под седлом и вдруг захромал.

Хозяин пустил его на пастбище. Дня через три он как будто оправился; его поймали и оседлали. На этот раз он не брыкался, но не прошло и пяти минут, как он снова захромал.

Хозяин не знал, что ему делать — действительно ли лошадь хромала или она только притворялась. Он воспользовался первым случаем, чтобы отделаться от нее, и хотя она стоила добрых пятьдесят долларов, продал ее за двадцать пять. Новый хозяин радовался, что сделал выгодную покупку, но не проехал и полумили, как Колибей захромал. Всадник спешил, чтобы осмотреть ногу, но Колибей в ту же минуту бросился вперед и галопом понесся обратно к своему прежнему пастбищу. Здесь его поймали, и новый владелец, не отличавшийся мягким нравом и снисходительностью, беспощадно пришпорил его, и следующие двадцать миль Колибей проскакал менее, чем в два часа, не прохромав ни одной секунды.

Так прибыл он в ранчо нового хозяина. От дверей дома Колибея свели прямо на пастбище, причем он все время

прихрамывал. Придя туда, он поплелся к другим лошадям. На одной из окраин пастбища находился огород, принадлежавший соседу нового хозяина. Сосед очень гордился своими овощами и поэтому огородил все пространство забором в шесть футов высоты.

В первую же ночь после прибытия Колибея туда каким-то образом попала лошадь и истоптала много овощей: Ушла она, надо полагать, до рассвета, ибо никто из живущих в доме ее не видел.

Огородник был вне себя от бешенства, но владелец рэнчо утверждал, что этого не могла сделать ни одна из его лошадей, ибо ни одна из них не в состоянии перепрыгнуть через шестифутовую изгородь.

В следующую ночь повторилось то же самое. Владелец рэнчо, вставший очень рано, нашел на пастбище всех своих лошадей, а с ними вместе и Колибея. Он хромал теперь еще больше прежнего. Прошло еще несколько дней, и сын хозяина, увидя, что он как будто оправился и ходит хорошо, поймал его и попытался сесть на него верхом. Старая злоба с новою силою проснулась в Колибее, и он воспользовался первым случаем, чтобы сбросить на землю хозяйского сына, который сильно ушибся при падении. Тогда сам хозяин прыгнул на седло. Минут десять брыкался Колибей, и, чувствуя, что ему не удастся сбросить на землю всадника, попытался прижать его ногу к столбу, но всадник держался все время настороже. Колибей поднялся на дыбы и опрокинулся навзничь; всадник успел соскочить с седла, и Колибей со всего размаху свалился на спину. Не успел он еще подняться, как всадник был снова на седле. Колибей пустился во весь опор; он брыкался и вертелся во все стороны, а затем неожиданно остановился, но всадник не кувырнулся через его голову. Колибей повернул голову и схватил ногу всадника, но только благодаря сильному удару по носу не успел раздробить ее. Не подлежало сомнению, что Колибей был безнадежно преступная и неисправимая лошадь.

С него сняли седло; он хромал все время, пока его вели на пастбище.

Похождения в огород продолжались по-прежнему, и дело между соседями дошло до ссоры. Хозяин рэнчо, желая доказать, что его лошади тут не при чем, просил огородника подежурить с ним ночью. Когда взошла луна, они при свете ее увидели, что Колибей без малейшего признака хромоты на этот раз направился прямо к огороду и, одним прыжком перемахнув через изгородь, принялся за уничтожение овощей.

Убедившись, кто вор, соседи поспешили в огород. Колибей словно олень перескочил обратно через изгородь, легко, как вихрь, понесся к пастбищу и присоединился к табуну лошадей, а когда к нему подошли люди... ох, как он ужасно хромал!

— Конечно,—сказал хозяин рэнчо,—нет больше сомнения, что все это притворство. А лошадь красивая и породистая.

— Да, но нет сомнения и в том, что он исковеркал мой огород,—отвечал огородник.

— И я того же мнения,—сказал хозяин рэнчо.—Слушайте, сосед! Весь убыток ваш равняется десяти долларам, а моя лошадь стоит сотню. Дайте мне за нее двадцать пять и возьмите ее себе. Вот и делу конец.

— Нет, я хочу большего,—отвечал огородник.—Я понес убыток в двадцать пять долларов, а лошадь ваша и ни одного цента не стоит больше. Я возьму ее—и делу конец.

Спор соседей таким образом уладился. Рэнчмен ни слова не молвил о том, как зол и лукав Колибей, но огородник и сам скоро убедился в этом, когда вздумал однажды проехаться на нем верхом. Он увидел, что лошадь в той же мере негодная, как и красивая.

На следующий день после этого на воротах огородника появилось объявление:

Продается
породистая лошадь,
здоровая и смирная
за 10 долл.

В тот же день мимо фермы огородника проезжали охотники: три горца, двое горожан и автор этого рассказа. Горожане ехали на медвежью охоту. У них были ружья и все необходимые принадлежности медвежьей охоты, но не было приманки. Для этой цели покупают обыкновенно никуда негодную лошадь или корову, гонят ее в горы, где водятся медведи, а там убивают. Увидя объявление, охотники заехали к огороднику.

— Нет ли у вас лошади подешевле?

— Да вы посмотрите на нее,—отвечал огородник.—Ну, разве не красота? Миль тысячу объездите кругом, а более дешевой не найдете.

— Нам нужна приманка для серого медведя и для этой цели мы предназначили пять долларов,—отвечали охотники.

Местность, где жил огородник, изобиловала лошадьми; они ценились дешево, а покупателей на них было мало. Огородник боялся, что Колибей убежит.

— Ну, что ж, — сказал он, — если вы не можете дать больше, возьмите ее за вашу цену.

Один из охотников уплатил ему пять долларов и сказал:

— А теперь, когда дело кончено, скажите нам, почему вы всего за пять долларов продали такую красивую лошадь?

— А потому, что нет возможности ее объездить. Она всегда хромает, когда вы попадаете ей навстречу, и стоит твердо на ногах, когда никого нет на ее пути. Нет ни одной изгороди в окрестности, которая могла бы служить ей препятствием. Это опасная тварь, не признающая никаких законов. Она злее самого чорта!

— И все-таки слишком красива для медвежьей приманки, — отвечал охотник.

Колибея погнали вместе с вьючными лошадьми, за которыми он плелся, хромая на каждом шагу. Два раза пытался он вернуться назад, но люди, ехавшие позади, возвращали его обратно. Чем дальше он шел, тем больше хроمال, а к вечеру на него даже жаль было смотреть.

Проводник, осмотревший его, сказал:

— Снаружи у хромоногого не видно никаких повреждений... Боль, верно, сидит глубоко.

День за днем двигались охотники все дальше в горы, на ночь они надевали путы на лошадей. Колибей шел, продолжая хромать, понунив голову и на каждом шагу потряхивая своей великолепной черной гривой. Один из охотников попытался сесть на него верхом и едва не поплатился жизнью; словно бес внедрялся в него, когда кто-нибудь садился на него верхом.

Дорога становилась все труднее по мере того, как подымались в горы. И вот на пути попалось им болото. Некоторые лошади завязли в нем, и когда люди бросились, чтобы помочь им, Колибей воспользовался этим случаем и бежал. Мигом повернувшись назад, он из хромого, понурого, жалкого коня превратился в великолепного, дышащего огнем и жизнью жеребца. Подняв высоко голову и хвост, распустив по ветру черную гриву, он громко заржал и, ни крошечки не прихрамывая, помчался по узкой тропинке с такою уверенностью, как будто не один, а много раз ходил по ней, и скоро скрылся из виду.

Охотники вышли из себя от досады, но один из них молча вскочил на лошадь — зачем? Неужели преследовать

бежавшего скакуна? Не чистейшее ли это было безумие? О, нет! У него был свой план, ибо он хорошо знал эту местность. Две мили по пройденному уже пути, затем кругом через пролом, к ущелью Пантеры. Путь беглеца шел вдоль последнего, и не успел он добежать до противоположного конца, как наткнулся на поджидавшего его проводника. Мотнув сердито головой, он повернул обратно и не пробежал и нескольких ярдов, как к нему вернулась его обычная хромота и понурый вид. Пригнанный в лагерь, он вылил накопившуюся в нем злобу, ударив копытом ни в чем неповинную маленькую вьючную лошадь.

Охотники в виду того, что прибыли уже в местность, населенную медведями, решили не допускать больше таких проделок и покончить с мятежником. Они боялись ловить его, так как к нему страшно было подходить близко. Два охотника согласились прогнать его на какую-нибудь прогалину в лесу, где водились медведи. Жалость охватила меня, когда я увидел это красивое, неукротимое создание, которое шло, продолжая притворяться хромым.

— Вы не поедете с нами?—крикнул мне проводник.

— Нет, я не желаю быть свидетелем его смерти,— отвечал я. а когда мотавшаяся от времени до времени голова скрылась у меня из виду, я крикнул:— Послушайте, ребята, принесите мне его гриву и хвост.

Прошло четверть часа и до слуха моего донесся ружейный выстрел, перед моим мысленным взором мелькнули гордая голова и стройное тело, которые, лишившись поддержки неукротимого духа, бессильно рухнули, придя к неизбежному концу всего живущего. Бедный Колибей! Он не хотел надевать на себя ярма рабства. Мятежный дух его боролся до конца против судьбы, на которую обречено все его племя.

Я старался отогнать от себя мысли об его трагическом конце, но мне недолго пришлось бороться с ними—не прошло и часу, как охотники вернулись.

Они погнали его по пуги, шедшему на запад; не предвиделось, казалось, ни одного такого благоприятного случая, чтобы ему удалось выльнуть в сторону. Он вынужден был идти вперед, и люди, шедшие позади него, чувствовали себя спокойными на этот счет.

Все дальше и дальше от своей родины на Биттерфут-Райвере уходил он с каждым новым переходом. И теперь, перейдя горный раздел, пошел по узкой тропинке, которая вела к Медвежьей долине и Селмон-Райверу, а затем к обшир-

ным диким равнинам Колумбии, шел понури́в голову и как бы предчувствуя, что его ждет. Лоснившаяся, красивая шерсть его, зали́гая лучами солнца, казалась еще красивее, а люди, гнавшие его по смертному пути, казались палачами, которые вели на смертную казнь знатную особу. Так дошел он до бобровых лугов, поросших сочной травой, прорезанных горной рекой, и до извилистых медвежьих тропинок, которые шли по берегу вверх и вниз вдоль течения реки.

— Самое по-моему подходящее место,—сказал охотник постарше.

— Или верная смерть, или промах навсегда,—отвечал ему товарищ и, подождав, пока хромоногий дошел до середины луга, пронзительно свистнул. Колибей наострил уши и повернулся лицом к своим мучителям, благородная голсва его высоко поднялась, ноздри дрогнули и раздулись,—он был истым олицетворением лошадиной красоты... Да, олицетворением совершенства лошадиной красоты.

Ружье поднялось и прицелилось в промежуток между глазами—верная, безболезненная смерть.

Раздался выстрел. Колибей повернулся и помчался. Верная смерть или промах... Охотник промахнулся.

Необузданный Колибей мчался наивеликолепнейшим своим аллюром, но не к родине своей на восток, а по прямому пути на запад... Все дальше и дальше. Сосновые леса скрыли его от людских взоров, а охотник, оставшийся позади напрасно тратил время, вынимая из ружья пустой патрон.

Так мчался он, повинаясь прирожденному инстинкту, среди сосен, затем по обширному болоту, а час спустя плескался в прозрачных водах реки... Мчался, как бы повинаясь призыву невидимого проводника, который доносился к нему с запада. Так мчался он, пока малорослые сосны не уступили места жалким кедром, а последние в свою очередь не сменились травой, покрывавшей равнины Селмон-Райвера. Но он по-прежнему без усталости мчался вперед, пробежал каньон Змей, поднялся еще выше к обширным горным равнинам, где нет высоких изгородей, и дальше к Буйволовым Горбам, пока вдали на горизонте не показались движущиеся точки, которые постепенно увеличивались, приближаясь к нему. Они двигались, метались в разные стороны, оглядывались на него. Из груди его вырвался клич... пронзительный, несколько раз повторенный клич его племени, какой его соплеменники Халдейских равнин посылают друг другу. Призыв его не остался без ответа. Лошади забегали, завертелись во все стороны, загарцовали, а Колибей все больше прибли-

жался к ним; он слал им призыв за призывом, отвечая им контр-сигналами, пока они не убедились в его родстве с ними; не признали, что в жилах его течет та же кровь и царит тот же дух, которого человеку никогда не удастся обуздать. И когда на залитую пурпуром равнину спустился вечер, он занял свое место в табуне, как один из его представителей, который после продолжительного и тягостного путешествия вернулся снова на родину.

Там можете вы его увидеть, он все в той же силе, и красота его не убывает. Всадники рассказывали мне, что они много раз видели его у Цедры. Он носится с тою же скоростью, как и другие, но еще издали бросается в глаза развевающейся гривой и хвостом.

Он продолжает жить на свободных травянистых равнинах; бурный ветер треплет его блестящую одежду, зимние снега засыпают ее временами; волки еженедельно уничтожают несколько более слабых членов табуна, а весной приходит за своей долей и могучий Гриззли. Там нет ни роскошных пастбищ, заготовленных человеком, ни зернистого корма; ничего, кроме жесткой травы, ветра и открытых пространств, зато он нашел там то, чего жаждал, что заменяет ему все. От всего сердца желаю ему долгой жизни, дабы я мог еще раз увидеть его во всей славе его быстроты, с черной гривой, развевающейся по ветру, с исчезнувшими следами шпор на боках, с глазами, сверкающими огнем, который горел в глазах его предков, когда они носились по равнинам Аравии, оставляя далеко позади себя преследующих их диких зверей и перегоняя быстроногую газель. Да! Даже песчаный, всепобеждающий вихрь—и тот тщетно стремится вдогонку высокорожденному жителю пустыни.
